

Вэнь Цинлинь действительно этого ждал.

Лишь в этот миг он с удивлением осознал, насколько противоречивы его собственные мысли. Разум твердил, что их отношения с Шэнь Тинюанем ещё не зашли так далеко, да и быть должником не хотелось. Но чувства... Чувства вопреки логике требовали иного. Втайне он жаждал, чтобы Тинюань вмешался — властно, жестко, не оставляя выбора. Чтобы заставил поделить проблемами, взял решение на себя...

Мысли понеслись вскачь, словно сбросивший узду конь. В памяти вспыхнули откровенные кадры из манхвы, которую он когда-то рисовал, — одна сцена порочнее и обнажённое другой... Образы, почти обретшие плоть, сплелись с волнами острого, нарастающего удовольствия. Цинлинь не сдержался и тихо застонал.

Голос его от природы был прохладным, а речь — сдержанной и сухой, точно заснеженная горная вершина. Однако теперь из-за сжатых губ вырвался мягкий, горловой вздох. В нём не было приторности, но разительный контраст с привычной отстранённостью подействовал подобно вспыхнувшему среди снегов огню — вечный лёд растаял, обратившись в тёплый, податливый поток. Для Шэнь Тинюаня этот звук прозвучал самым откровенным и страстным призывом.

Шэнь Тинюань и сам едва не усомнился в собственном рассудке. С чего бы иначе в чужом требовательном тоне ему послышалась скрытая мольба?

Ему безумно хотелось смять Цинлиня, сковать его. Увидеть, как тонкие запястья и изящные щиколотки сжимают стальные цепи. Сжать ладонью эту лебединую шею и заставить обычно равнодушные глаза затуманиться слезами мольбы. Властно, безапелляционно потребовать, приказать: «Расскажи мне всё. Всё до последнего слова».

И пойти ещё дальше — опробовать на нём самые изощрённые, самые темные игрушки. Зажать в кулак его плоть, полностью подчинив себе даже момент разрядки... Пока этот человек не размякнет в его руках, пока не раскроется до конца, без остатка.

Безумные фантазии затягивали, выплёскивались наружу. На мгновение Тинюаню показалось, что всё это происходит наяву: обжигающий пот, пылающая кожа, спертый, раскалённый воздух...

Сколько прошло времени? Может, всего пара секунд. Тинюань вскинул голову и в смутном отражении оконного стекла разглядел их силуэты.

Лиц было не разобрать, но этого короткого взгляда хватило, чтобы к нему вернулись крупницы угасавшего разума. Ритм и движения вновь подчинились строгому расчету. Он не позволил себе превратиться в свихнувшегося зверя.

— Учитель Вэнь, — прошептал Тинюань ему на ухо сквозь мрак и зной. Голос его совсем осел,

но в нём по-прежнему звучала неистребимая мягкость. — Я уважаю ваши желания. Если не хотите говорить — я не стану настаивать.

Ответ был предсказуем, однако сердце всё равно кольнула легкая досада. Впрочем, та быстро растворилась в накатившей волне дикого наслаждения, не оставив места для посторонних мыслей.

Сказать, что всё прошло идеально, означало бы погрешить против истины: не хватило необузданной страсти. Однако когда всё закончилось, тело ломило от истомы ничуть не меньше обычного.

Вэнь Цинлинь откинулся на спинку дивана и закурил. Поза его дышала вальяжной ленивой грацией. Рядом Шэнь Тинюань натягивал рубашку, привычным движением застёгивая пуговицу за пуговицей.

Некоторое время оба молчали — в комнате царила тишина, наступающая после бурлящего шторма. Докурив до середины, Цинлинь по привычке повернул голову и наткнулся на пристальный взгляд Тинюаня.

Некоторые вещи, стоит им случиться единожды, быстро превращаются в молчаливый ритуал. Например, одна сигарета на двоих после близости.

Тинюань протянул руку и длинными, изящными пальцами забрал тлеющий фильтр из рук Вэнь Цинлиня. Затянулся, прикрыв глаза.

— О чём думаешь?

— О чём думаешь?

Они заговорили одновременно, слово в слово.

Фраза потонула в тишине, и оба на мгновение замерли.

— Сначала вы, Учитель Вэнь, — уступил Тинюань.

Цинлинь спорить не стал. Небрежно кивнув, он произнёс с ленивой интонацией:

— Да так, ни о чём особенном. Подумал только, что господин Шэнь — настоящий джентльмен. Умудряется сохранять мягкость даже в постели.

В его голосе проскользнули странные нотки, далекие от искренней похвалы.

Шэнь Тинюань на миг замер, но тут же овладел собой:

— Вот как?

— Именно, — без колебаний подтвердил Цинлинь и иронично усмехнулся. — Мы любовники уже какое-то время, а господин Шэнь ни разу не оставил на мне ни единой отметины.

Это была чистая правда. Тинюань относился к исполнению супружеского долга подчёркнуто технично. Они не целовались. Шэнь Тинюань не терзал его кожу, подобно голодному псу, не покрывал тело рваными засосами. Без преувеличения, прямо сейчас Цинлинь мог отправиться в городской бассейн — прятать было абсолютно нечего.

Взгляд Тинюаня дрогнул. Он чуть приоткрыл губы, но не произнёс ни слова — не мог понять, скрывается ли за этой репликой тонкая провокация.

Впрочем, Цинлинь и не собирался давать ему время на размышления. Сделав вид, будто обронил замечание мельком, он вернулся к прежней теме:

— Так о чём же думали вы, господин Шэнь?

Тинюань чуть опустил веки, помолчал пару секунд, тщательно подбирая интонацию, и наконец ответил:

— О том, что... возможно, Учителю Вэню стоит изредка позволять себе опираться на меня.

Слова прозвучали невероятно тепло и искренне. Цинлинь на мгновение опешил, но тут же усмехнулся, уходя от прямого ответа:

— Мне скоро тридцать. Искать, на кого бы опереться, в моём возрасте уже как-то несерьёзно, вам не кажется?

«Опираться».

Цинлинь мысленно смаковал это слово, и оно казалось ему чужеродным, почти бессмысленным. Ещё со времён средней школы — если не раньше — он привык рассчитывать только на себя. Надеяться было попросту не на кого. А со временем одиночество стало второй натурой.

— Возраст тут ни при чём... — негромко проговорил Тинюань. В его голосе звучала глубокая,

въедливая серьёзность.

Цинлинь опомнился. Не стал спорить или соглашаться, а просто перевёл тему:

— Пойдёте в душ?

Шэнь Тинюань ответил не сразу. Пару секунд он разглядывал собеседника, словно собирался добавить что-то ещё, но в итоге лишь коротко кивнул:

— Да.

Он поднялся с дивана и направился к себе.

Цинлинь пару мгновений смотрел ему вслед, после чего тоже пошёл к себе в ванную.

И уже на ходу поймал себя на абсурдной, странной мысли. Видимо, у него и вправду дурной, упрямый характер. Когда Тинюань ласково шепчет: «Возможно, Учителю Вэню стоит изредка опираться на меня», это не трогает ни единой струны в его душе. Но если бы Шэнь Тинюань заговорил жестко, властно, почти с угрозой: «Учитель Вэнь, вам лучше привыкать полагаться на меня. Иначе я сам научу вас, как это делается», — вот тогда его сердце точно ёкнуло бы.

Впрочем... Вспомнив, с каким ледяным самоконтролем и педантичной нежностью Тинюань ведёт себя даже в постели, Цинлинь лишь вздохнул.

Похоже, подобных слов от господина Шэня он не услышит никогда.

На следующее утро Вэнь Цинлиня разбудил звонок.

Звонила сотрудница художественного музея — та самая девушка. Она радостно сообщила, что персональная выставка состоится точно в срок: загадочный «фотохудожник» вдруг передумал и согласился соблюдать общий график. Судя по звонкому голосу, девушка радовалась исходу дела едва ли не больше самого Вэнь Цинлиня.

Цинлинь улыбнулся и искренне поблагодарил её:

— Понял. Спасибо вам огромное.

Положив трубку, он сладко потянулся. На душе стало светло. Пусть он и не собирался тратить нервы на эту грызню, осознание того, что проблема уладилась сама собой, принесло приятную

лёгкость.

Поднявшись с постели, Цинлинь отправился в ванную. В квартире царила тишина — Шэнь Тинюань давно уехал на работу. Цинлинь включил громкую связь и под шум воды набрал номер Тун Нина, чтобы вкратце поделиться новостью.

— А? — Тун Нин на том конце провода на мгновение замялся, в его голосе прозвучало недоумение. — Он что, на этот раз сработал настолько оперативно?

— Ты о ком? — не понял Цинлинь. — Кто вмешался?

— Да я как раз собирался тебе набрать, — пояснил Тун Нин. — Вчера я выложил пост в «Моменты», спросил, нет ли у кого выходов на этого Чжана-второго. А сегодня утром со мной связался Ван Чунь... Сказал, что сам всё уладит.

Ван Чунь...

Улыбка сошла с лица Цинлиня. Это имя было ему знакомо. Ван Чунь числился у него в контактах и когда-то числился среди... его ухажёров. Разумеется, безуспешно. Узнав о женитьбе Цинлиня, тот сразу исчез с горизонта и больше не напоминал о себе.

И надо же было ему объявиться именно сейчас...

— Ты спросил у него? — опомнившись, ровным, отстранённым тоном уточнил Цинлинь. — Чего он хочет взамен?

В его голосе звучала ледяная сухость, словно речь шла о совершенно чужом человеке.

Тун Нин замялся ещё сильнее:

— Я пытал его полчаса... Он утверждает, что ничего не нужно. Просто хочет пригласить тебя на обед...

Цинлинь лишился дара речи.

Человек решил его проблему, и простая просьба о совместном обеде выглядела вполне невинно. Отказать формально было сложно. Но, во-первых, Цинлинь не испытывал ни малейшего желания проводить время с отвергнутым поклонником, а во-вторых... Он был женат, а Ван Чунь оставался его бывшим ухажёром.

Колеблясь, Цинлинь отыскал в контактах чат с Ван Чунем и занёс палец над клавиатурой,

собираясь прямо и сухо предложить любую другую компенсацию.

Но едва подушечка пальца коснулась стекла, перед глазами вспыхнули вчерашние слова Шэнь Тинюаня: «Учитель Вэнь, я уважаю все ваши желания».

Палец замер.

Спустя мгновение Цинлинь так ничего и не написал. Он лишь сказал в трубку:

— Я согласен. Передай ему, пусть сам выбирает время и место.

Назови это глупой блажью или мелким злорадством, но Вэнь Цинлиню безумно захотелось проверить, сумеет ли господин Шэнь сохранить своё безупречное джентльменское хладнокровие и на этот раз.

<http://bllate.org/book/20550/2130803>